

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.14

Original article

СМИРНОВ Александр Витальевич
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия;
Санкт-Петербургская академия Следственного
комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия,
excelsiorsm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1756-8941>

SMIRNOV Alexander Vitalievich
North-Western Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice;
Saint Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia

РОССИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: В ПОИСКАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE: IN SEARCH OF CIVILIZATIONAL IDENTITY

Аннотация. Концепт «цивилизация», отражающий ценностные и нормативные идеалы общественного устройства, в XX в. стал пониматься преимущественно применительно к понятию локальных цивилизаций, точно так же как понятие идентичности – лишь в национальном ключе. Однако такой подход следует признать ограниченным, поскольку он не позволяет охватить универсальные признаки и ценности, определяющие место каждой локальной традиции в общем историческом развитии человечества. В статье рассматривается проблема поиска цивилизационной идентичности российского уголовного процесса через призму философско-правового подхода к пониманию цивилизации. Цивилизационная идентичность, по мысли автора, включает трансцендентное измерение, связанное с представлениями о добре, справедливости и духовных основаниях правопорядка. Цель исследования – осмыслить эволюцию российского уголовного судопроизводства как индикатора цивилизационной принадлежности страны. В работе использован комплекс философско-правовых и сравнительно-исторических методов. Первый – для выявления ценностных основ уголовного права и процесса как отражения цивилизационного мировоззрения, второй – для анализа генетических и культурных параллелей между российской и западноевропейской моделями правосудия. Результаты исследования показывают, что с момента становления государственности Россия развивалась в русле европейской цивилизации, заимствуя ее правовые и культурные образцы. Уголовное судопроизводство как одно из наиболее показательных выражений цивилизационной идентичности демонстрирует постоянное колебание между локальными историко-национальными особенностями и европейскими идеалами правосудия. Сделан вывод о необходимо-

Abstract. The concept of “civilization” reflecting the value and normative ideals of social order, came to be understood predominantly in the 20th century in relation to the notion of local civilizations, just as the concept of identity was understood solely in a national key. However, such an approach must be recognized as limited, as it fails to encompass the universal characteristics and values that define the place of each local tradition in the overall historical development of humanity. The article examines the problem of identifying the civilizational identity of Russian criminal procedure through the prism of a philosophical and legal approach to understanding the concept of civilization. The author posits that civilizational identity includes a transcendent dimension connected with notions of good, justice, and the spiritual foundations of the rule of law. The purpose of the study is to comprehend the evolution of Russian criminal proceedings as an indicator of the country’s civilizational affiliation. The research employs a combination of philosophical-legal and comparative-historical methods. The former is used to identify the value foundations of criminal law and procedure as a reflection of civilizational worldview, while the latter analyzes the genetic and cultural parallels between the Russian and Western European models of justice. The research results indicate that since the establishment of its statehood, Russia has developed within the framework of European civilization, adopting its legal and cultural models. Criminal justice, as one of the most illustrative expressions of civilizational identity, demonstrates a constant oscillation between local historical and national features and European justice ideals. The article concludes that Russian criminal

© Смирнов А.В., 2026

сти видеть в российском уголовном процессе не изолированный национальный феномен, а часть широкой цивилизационной традиции, формирующей духовно-нравственные основания права.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, европейская цивилизация, информационная цивилизация, формальная система доказывания, морфологические типы процесса, судебные реформы

Для цитирования: Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: в поисках цивилизационной идентичности / А.В. Смирнов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 131–141.

procedure should be viewed not as an isolated national phenomenon, but as part of a broad civilizational tradition that shapes the spiritual and moral foundations of law.

Keywords: civilizational identity, European civilization, informational civilization, formal system of proof, morphological types of procedure, judicial reforms

For citation: Smirnov A.V. Russian Criminal Procedure: In Search of Civilizational Identity. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 131–141. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.14.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «цивилизация» пересекается с представлениями о ценностных и нормативных идеалах организации и жизни человеческого общества. В современном мире начиная с XX в. благодаря трудам О. Шпенглера, А. Тойнби, В. Шубарта, П.А. Сорокина цивилизационный подход стал отождествляться в основном с понятием локальных цивилизаций, подразумевающим многообразие исторических путей развития человечества. Рассматриваемый подход сменил господствовавшие в эпоху Просвещения идеи линейного универсализма и европоцентризма, связывавшие понятие цивилизации с достижением определенной степени социального и технического прогресса, являющейся, в свою очередь, итогом эволюционного исторического развития, траектория которого в своих основных признаках предполагалась единой для всех стран и народов. В локальной цивилизации видят «существующую в определенное время и на определенной территории систему, в рамках которой действует социокультурная общность с присущей ей совокупностью политико-экономических, культурных, духовных, конфессиональных, характеристик»¹. Однако нетрудно заметить, что сведение феномена цивилизационного развития лишь к локальным его проявлениям, хотя необходимо и полезно с фактологической точки зрения, недостаточно для

понимания его сущности, поскольку, сосредотачиваясь на особенных и частных признаках, затрудняет понимание роли и значения каждой локальной цивилизации в общем историческом мейнстриме. Поэтому цивилизационную идентичность не следует сводить лишь к идентичности локальной, или национальной, ибо это историософское понятие намного шире и глубже частных национально-исторических особенностей.

Российский геополитик и политический философ В.Л. Цымбурский, например, полагал, что неотъемлемым признаком самостоятельности всякой истинной цивилизации является идеология, которая соотносит государственное строительство народов, их социальные предпочтения и культурный стиль с предполагаемым трансцендентным назначением человечества, своего рода «сакральной вертикалью», устремленной к высшим представлениям о смысле разумного существования, добре и справедливости [1, с. 57].

Таким образом, цивилизационная идентичность, как в целом, так и в отдельных своих феноменальных проявлениях, включает признаки и ценности общечеловеческого порядка, которые данная социальная общность (нация или группа наций) открыла для всех в своем развитии.

В РУСЛЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Для России ее национальная идентичность со времен Рюрика всегда находилась в тени цивилизационной идентичности христианской

¹ Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : энциклопедический словарь / отв. ред. М.П. Мчедлов. М. : Республика, 2001. С. 3.

Европы (достаточно взглянуть на флорентийские мотивы архитектуры Московского Кремля или зодчество Санкт-Петербурга). Именно в ней она черпала образцы для своего государственного строительства (феодалная система, сословно-представительная монархия, абсолютизм, парламентаризм и др.) и культуры. Одним из безошибочных маркеров цивилизационной идентичности служит строй уголовного судопроизводства. Он в числе первых отражает генезис цивилизационного развития, поскольку именно взгляды на преступное поведение и способы борьбы с ним в наиболее острой и неприкрытой форме отражают в качестве охраняемых объектов те представления о добре и зле, должном и недопустимом, которые составляют идеологический стержень цивилизационной «сакральной вертикали». Эти объекты, как и формы их защиты, на протяжении веков в общем и целом перекликались в России со своими западноевропейскими «сородичами». При этом поиски цивилизационной идентичности уголовного судопроизводства в разное время шли у нас разными путями, то сближаясь, то отдаляясь от тех или иных морфологических (национально-исторических), но всегда европейских моделей.

В своем развитии российский уголовный процесс прошел те же ступени, что и западноевропейские типы. Древнее судопроизводство периода Русской Правды (XI–XIII вв.) было в основном обвинительным. Доказательства имели характер подтверждений формальными средствами заявленных перед судом требований. Для этого использовались такие средства доказывания, как признание, испытания (ордалии) железом и водой, поле (судебный поединок), «послухи» (соприсяжники), «рота» (очистительная присяга), крестное целование. Однако применялись и такие средства, которые требовали свободной судебной оценки: «видоки» (свидетели, очевидцы) и поличное (вещественные доказательства, найденные у подозреваемого лица), а также использующие презумпцию виновности последнего владельца («свод») и круговую поруку общины, в которую приведет след («гонение следа»).

Создание централизованного Московского государства, как и в Западной Европе, сопровождалось в XIV–XVII вв. возникновением процесса розыскного типа («сыска»). Он стал

действовать параллельно с «судом», то есть ординарным обвинительным, а с отходом от ордалий и судебных поединков и частно-исковым судопроизводством. Обычно считается, что розыск возник в России «без всяких иноземных влияний, а вследствие лишь выяснившихся потребностей» [2, с. 33]. Тем не менее констатируется «поразительное сходство основных черт развития розыскного процесса в Западной Европе и в Московской Руси» [3, с. 209]. Это сходство неслучайно, оно связано с тем, что социально-политические условия России и Западной Европы до XVI в. расходились тогда еще не слишком заметно. «В тот период Русь находилась в условиях, когда она изначально могла пойти по западному пути развития» [4, с. 59]. С учетом этого нельзя отрицать и возможности влияния западного права на формирование русского судопроизводства. «Сыск», если не считать преследования государственных преступников в виде царской опалы, не был примитивной уголовно-административной расправой. Он практически совпадал с тем, что в Западной Европе называли «дознанием через местных людей», или обвинительным жури. Фактически о таком обвинительном жури под названием «извода перед 12 мужами» в случае «запирательства» обвиняемого речь идет и в краткой редакции Русской Правды (XI в.), известной как Правда Ярослава (ст. 15) [5, с. 47–48]. Следует учитывать, что Правда Ярослава была составлена в 1016 г. «ввиду острой необходимости урегулировать отношения новгородцев и варягов после завоевания великокняжеской власти Ярославом Мудрым» [6, с. 30]. Естественно предположить, что исконный норманнский обычай чинить суд через собрание из местных людей («12 мужей») вполне мог быть включен тогда в текст нового компромиссного закона. Причем не исключено, что не только «извод», но и круговая порука («гонение следа») является изначально норманнским изобретением. При схожих обстоятельствах круговая порука была введена норманнами и в Англии в округах-сотнях (hundred, wapentake) сразу после прихода к власти датчанина Кнуда Великого, а происходило это практически в то же самое время (1017), что и на Руси (1016) [7, с. 134–135]. О том, что это не просто совпа-

дение, а результат своего рода системы обмена правовым опытом в среде норманнских завоевателей-викингов, свидетельствует, например, отмеченный датским исследователем факт проникновения в скандинавскую раннесредневековую Исландию славянского государственно-правового термина «полюдь» (polutasvart), обозначавшего принятую тогда на Руси систему сбора князьями дани [8, с. 125]. Таким образом, весьма вероятно, что этими институтами уголовный процесс как на Западе, так и на Востоке обязан именно норманнской экспансии.

На Руси извод применялся при задержании «татя, душегубца и разбойника и грабежника» на месте преступления, как было зафиксировано, например, в договоре 1398 г. между великим князем Московским и великим князем Тверским [3, с. 651]. В XVI в., при Иване IV Грозном, извод принимает форму «большого повального обыска» (аналог английского обвинительного, или большого жюри), проводимого для выявления все более широкого круга преступлений выборными судьями – губными старостами и целовальниками. Розыск состоял из опроса «съезда» представителей всех сословий – «с выти по человеку». «Лихих людей» доставляли к губному старосте для дальнейшего расследования («довода») – простого расспроса, допроса под пыткой и очных ставок [9, с. 87–88]. Затем выносился приговор. Этот же порядок был сохранен Соборным уложением 1649 г.

Таким образом, российский «сыск» XIV–XVII вв. по своей форме почти полностью дублировал западноевропейский розыскной процесс того же периода, который был первоначально не плодом рецепции имперского римского права, а развитием самостоятельного германо-скандинавского наследия. Это значит, что русский уголовный процесс уже с древнейших времен формировался под сильным германским влиянием, что стало еще более очевидным с начала XVIII в., когда при Петре I и его преемниках с Запада рецептируется немецкий инквизиционный, а затем («Наказ» Екатерины II) и следственный порядок по Своду законов 1832–1857 гг.²

² Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. 964 с.

Следствие, как и в немецком процессе, распадалось на предварительное (inquisitio generalis), начинавшееся в силу закона при наличии определенных поводов, и формальное (inquisitio specialis), по пунктам; в нем тоже присутствовали сословные депутаты – аналог немецких «шеффенов», прокуроры и стряпчие, действовала формальная система доказательств. Причем последняя следовала тому же пути, по которому теория доказательств шла в Западной Европе.

Это хорошо видно на примере книги второй XV тома Свода законов («Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках»). В Своде были подвергнуты глубокой систематизации и консолидации все российские законы, изданные с 1649 г., что явилось одним из важнейших этапов развития отечественного права. При этом в нем была закреплена формальная система доказывания, согласно которой доказательства делились на совершенные и несовершенные, когда «одного совершенного доказательства достаточно для признания осуждения несомненным» (ст. 306).

Тем не менее российский дореформенный уголовный процесс нельзя считать основанным целиком на формальной системе, поскольку он допускал и оценку доказательств судьями по внутреннему убеждению. Так, в Своде говорится: «Доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключают всякую возможность к показанию невиновности подсудимого» (ст. 305). И наоборот: «Доказательства виновности почитаются несовершенными, когда они не исключают возможности к показанию невиновности подсудимого» (ст. 307). Иначе говоря, совершенное доказательство считалось таковым не в силу формального статуса, а потому, что исключало в результате свободной по сути оценки все возможные версии невиновности подсудимого («всякую возможность к показанию невиновности»). Но подобное же сочетание формальных доказательств и внутреннего убеждения было присуще и континентальным правовым системам в средневековой Европе, где, как пишет английский профессор Дж.Х. Лангбейн, внутреннее убеждение всегда использовалось судьями для разрешения случаев неполного набора формальных доказательств со времен уже каролингских капитуляриев

[10, p. 145–147]. Мирьян Дамашка, американский и хорватский правовед, известный своими работами в области сравнительного уголовного правосудия, также пишет: «Правовые системы континентальной Европы средневековой эпохи придерживались так называемой теории полного доказательства (*probatio plena*), которая предписывала определенный набор доказательств, необходимых для осуждения по серьезным делам – обычно двух очевидцев, или признания, подтвержденного другими уликами. Этот формализм оставлял мало места для судебного усмотрения. Тем не менее даже в этих жестких системах судьи иногда прибегали к своему внутреннему убеждению для дополнения неполных доказательств, особенно по мелким преступлениям или когда формальные требования не выполнялись, но существовала моральная уверенность» [11, p. 78–80].

Однако после принятия 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) немецкий курс был временно оставлен и российский уголовный процесс всецело отдался новым – в целом либеральным – французским симпатиям, сохранив от старого порядка доказывания лишь «дознание через окольных людей». Пореформенный уголовный процесс России – это по сути французский морфологический тип, установленный Кодексом уголовного следствия Наполеона (1808). Предварительное расследование складывалось из полицейского дознания, не отягощенного особыми формальностями, и предварительного следствия, которое проводили судебные следователи, состоявшие членами окружных судов. Однако в отличие от французского или немецкого следственного судьи русский судебный следователь был более специализированным органом: он назначался не на краткий срок или тем более не *ad hoc* из числа судей, а бессрочно, на определенный следственный участок и не мог быть членом судебного присутствия, рассматривающего то же самое дело. Как и на французском *instruction préparatoire*, прокурор имел довольно значительные полномочия по отношению к судебному следователю, который не мог отказаться от исполнения требований прокурора, касающихся исследования обстоятельств дела и собирания доказательств (ст. 281–282 УУС); именно прокурор определял, произведено ли следствие с доста-

точной полнотой, и мог обратиться к доследованию (ст. 512 УУС), он составлял также обвинительный акт (ст. 519 УУС); по предложению прокурора следователь мог быть переведен из одного участка в другой (ст. 227 Учреждения судебных установлений). Таким образом, юридический статус судебного следователя, подобно положению французского следственного судьи (*juge d'instruction*), был до известной степени связан полномочиями обвинительной власти. Имея в виду эту ситуацию, известный российский юрист, профессор Н.Н. Полянский, писал: «Опыт, однако, показал, что там, где... законодателем сделана попытка установить грань между дознанием и предварительным следствием по самому существу их задач, эта грань на деле неизбежно стирается и следователь превращается в помощника прокурора» [12, с. 18].

Вместе с тем в русском процессе прокурорская власть была менее активна, чем по французскому Кодексу 1808 г., так как все меры, необходимые для производства следствия, мог принимать только судебный следователь по своему собственному усмотрению (ст. 264, 266 УУС). Прокурор не имел права вмешиваться в проведение следственных действий, а мог лишь присутствовать при этом и знакомиться на месте с материалами дела (ст. 280 УУС). На практике роль прокурора была еще менее активной, обычно она ограничивалась «одной лишь внешней стороной, то есть понуканием следователя и исправлением формальных упущений с его стороны» и почти не касалась «сути дела, содержания исследуемой области и границ ее» [13, с. 359–360]. Это оставляло следователю больше самостоятельности, но, с другой стороны, мешало налаживанию взаимодействия с полицией как органом дознания, которая находилась в «непосредственной зависимости от прокуратуры» (ст. 279 УУС) и никогда не была полицией судебной. Российский судебный следователь не был связан контролем со стороны такого органа, как следственная совещательная камера, которого Устав не знал. Что касается правового положения обвиняемого и защитника, то здесь надо отметить следующее: защитник допускался в дело лишь в период подготовительных к суду распоряжений, то есть уже по окончании следствия (ст. 557 УУС).

Однако русский процесс выгодно отличало от французского то, что обвиняемый на предварительном следствии пользовался широкими правами (некоторых из них у него нет и по сей день): мог присутствовать при осмотре и освидетельствовании, обыске, выемке, допросе свидетелей, дознании через окольных людей, рассматривать все производство по окончании следствия и др. (ст. 316, 359, 444, 455, 459, 462, 463, 466, 468, 469, 475–478, 491 УУС). Предание суду, как и во французском процессе, было делом камеры предания суду, в качестве которой выступала судебная палата (ст. 534, 543 УУС), однако последняя никогда не была в русском процессе руководителем судебного следствия. Российский Устав устанавливал такие положения, касающиеся деятельности судебных палат, которых нет во французском Кодексе и по сей день. Так, он разрешал обжалование всех следственных действий всеми участвующими в деле лицами, в то время как во Франции на это до сих пор уполномочен лишь прокурор (ст. 185 УПК Франции 1958 г.), а обвиняемый и потерпевший могут принести жалобу лишь на юрисдикционные постановления следственного судьи, причем потерпевший – лишь на решения об отказе в уголовном преследовании, о прекращении дела, причем только тогда, когда они связаны с его гражданско-правовыми интересами. В отличие от французского законодательства, по русскому Уставу круг лиц, которые могли обратиться на предварительном следствии за защитой своих прав в апелляционную инстанцию, был предельно широк – не только стороны, но и другие участники процесса (свидетели, понятые и т. д.). По французскому «лекалу» был скроен суд присяжных, отличавшийся резким разделением судебного следствия от прений сторон подробным допросом подсудимых председателем суда, имевшим большие дискреционные полномочия (ст. 613 УУС). Из французского процесса пришли к нам апелляционный и кассационный порядки пересмотра дел. В целом русское уголовное судопроизводство образца 1864 г. можно определить как смешанный процесс французского морфологического типа с преобладанием на смешанном предварительном расследовании следственно-розыскных признаков и состязательных – на последующих судебных стадиях.

25 мая 1922 г. был принят первый советский Уголовно-процессуальный кодекс, который имел переходный характер, поскольку соединил французский тип предварительного расследования и судебные стадии, построенные по германскому образцу. Следователь в принципе рассматривался как носитель судебной функции. Организационно он был независим от прокуратуры, ибо состоял в ведомстве губернского, а затем областного суда. Этот суд назначал следователя на должность, отстранял от производства, рассматривал жалобы на его действия (ст. 126–127 УПК 1922 г.). Однако судебная функция по-прежнему была недостаточно отделена от функции уголовного преследования: прокурор, как и раньше, мог давать следователю обязательные указания о направлении и дополнении следствия (ст. 121), а следователь мог лишь обжаловать в суде некоторые важнейшие его указания (ст. 151).

Однако в дальнейшем произошла фактическая ликвидация предварительного следствия, если понимать под ним судебную часть предварительной подготовки дел. Следователь из представителя судебной власти, из «маленького судьи» превратился в «маленького прокурора». За это на IV и V съездах деятелей советской юстиции (1922, 1924) активно выступал прокурор Верховного Суда СССР А.Я. Вышинский. Он предлагал отказаться от «старой» точки зрения на предварительное следствие как на судебную деятельность и рассматривать ее как однопорядковую с дознанием³. Против реализации этой идеи высказались видные советские юристы. Н.Н. Полянский констатировал, что в результате этих изменений в советском уголовном процессе прекратило существование предварительное следствие в его традиционном понимании [12, с. 24]. В дальнейшем этот момент станет важнейшей чертой советского уголовного процесса, которую в полной мере переняли потом все позднейшие российские УПК. Для прекращения научной дискуссии потребовался беспрецедентный шаг, акт силового давления – постановление объединенного заседания коллегий наркоматов Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) СССР и РКИ РСФСР от 10 сентября 1927 г. о полной передаче народных

3 См.: Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. 10–15 марта 1924 г. Тезисы. Стенографический отчет. Резолюции. М., 1924. С. 193–194.

следователей в подчинение прокуратуры и превращение их в «местных агентов прокурорского надзора»⁴. Постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г., ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г. следственный аппарат был передан в прокуратуру⁵. Результатом этих событий стало упразднение в отечественном уголовном процессе предварительного следствия, которое фактически превратилось в инквизиционное по своей сути прокурорско-полицейское дознание. Уголовный преследователь получил возможность создавать судебные доказательства. Задачи суда были приравнены к задачам органов предварительного расследования и прокуратуры, а адвокатура *de facto* превратилась в государственное учреждение. Все эти преобразования означали, что российский уголовный процесс вернулся на рельсы германского типа судопроизводства, по которым он шел до Судебной реформы Александра II.

Важнейшим образчиком советского уголовного процесса стал УПК РСФСР 1960 г. По сравнению с предшествующим советским уголовно-процессуальным законодательством он обладал рядом несомненных достоинств. Так, в нем были подробно сформулированы права участников процесса, в первую очередь обвиняемого, и встречные обязанности государственных органов; подозреваемый стал самостоятельной процессуальной фигурой; защитник был допущен – хотя и в ограниченных случаях – на стадию предварительного расследования; в законе получили формальное закрепление принципы независимости судей и осуществления правосудия только судом, равенства граждан перед законом и судом, гласности, обеспечения обвиняемому права на защиту и т. д. Принципиальное значение имело и указание на то, что признание виновности может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении ее совокупностью доказательств. С точки зрения юридической техники УПК РСФСР 1960 г. был явным шагом вперед в сопоставлении со «спартанскими» кодексами 1922 г. и 1923 г. – все процедуры, условия и основания процессуальных действий были разработаны в нем более под-

робно, логично и точно. Однако в целом УПК РСФСР 1960 г. реализовывал смешанный тип уголовного процесса того же морфологического (германского) типа, что и предшествующее советское законодательство. В нем были воспроизведены: следственно-розыскное предварительное расследование (по сути, прокурорско-полицейское дознание), а также внешне облеченные в состязательные формы судебные стадии, где гипертрофированная роль председательствующего тем не менее склоняла чашу весов опять-таки в инквизиционную сторону.

Очередным поворотным моментом в цивилизационных поисках стал для российского уголовного процесса УПК 2001 г. Предшествующая обновлению законодательства Концепция судебной реформы 1991 г. провозглашала, что реформа будет направлена «на пробуждение общественной совести во имя достижения правды в экстремальных условиях борьбы человека за свою жизнь, свободу и доброе имя». Для уголовного судопроизводства это должно означать защиту прав человека и внедрение в процесс реальной состязательности сторон. При разработке УПК РФ ставилась задача привести российское уголовно-процессуальное законодательство в соответствие с принципами уголовного судопроизводства и нормами о защите прав человека, провозглашенными в Конституции РФ, Концепции судебной реформы в Российской Федерации и международно-правовых актах. Кодекс должен был послужить «пропуском» новой России в сообщество цивилизованных государств, которые и сами придают реформам уголовной юстиции большое значение. Всеобщее осознание необходимости новой философии и практики в борьбе с преступностью породило в Европе череду судебных преобразований. В целом ряде стран (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Финляндия, Франция, большинство государств так называемого постсоветского пространства и др.) как на теоретическом, так и на законодательном уровне с тем или иным успехом продолжают поиски эффективных моделей уголовного процесса, отвечающих новым реалиям. Удалось ли УПК 2001 г. найти свою собственную цивилизационную нишу?

УПК РФ закрепляет смешанный, следственно-состязательный (континентальный) тип процесса с преобладанием (по крайней

⁴ Еженедельник советской юстиции. М., 1927. № 40. С. 125.

⁵ Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 117, ст. 733 ; Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1929. № 3, ст. 106.

мере, по букве закона) состязательных элементов, но фактически остающийся в русле следственной парадигмы. Состязательность более всего проявляется в судебных стадиях. Провозглашается, что суд не является органом уголовного преследования, он не должен выступать ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, лишь создавая необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15). Так, суд приступает к рассмотрению дела только по обвинению, представленному уголовным преследователем, и не вправе выходить за рамки, очерченные в обвинении (ст. 252). Он не имеет права возбуждать уголовные дела, поскольку движущей силой состязательного процесса является лишь спор сторон по поводу обвинения. По той же причине полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет прекращение уголовного дела либо уголовного преследования в целом или в соответствующей его части (ч. 7 ст. 246). УПК РФ формально не предусмотрено право суда возвращать уголовные дела для производства дополнительного расследования. Сторона защиты получила право самостоятельно, хотя и в весьма ограниченном объеме, собирать доказательства (ч. 3 ст. 86), вызывать в суд свидетелей и специалистов, представлять другие необходимые ей доказательства (п. 6 ч. 1 ст. 220, п. 6 ч. 1 ст. 225, п. 4 ч. 2 ст. 231, ч. 4 ст. 271), что до известной степени могло бы уравнивать ее в процессе доказывания со стороной обвинения. Усилено действие состязательного принципа непосредственности исследования в суде доказательств: оглашение и использование в судебном разбирательстве протоколов допросов не явившихся в судебное заседание свидетелей и потерпевших допускается (по крайней мере, по первоначальному замыслу творцов этого закона) только с согласия сторон (ч. 1 ст. 281).

В некоторых своих чертах российский уголовный процесс впервые в истории отечественного законодательства обнаруживает тенденцию к сближению с англо-американской моделью уголовного судопроизводства. При этом речь идет не только об английском по своему происхождению институте суда

присяжных, который в первый раз был введен в России еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., а в Российской Федерации воссоздан в 1993 г. Важнейшим англо-американским заимствованием является так называемое правило об исключении доказательств. Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми». Однако следует отметить, что в уголовном процессе Англии, и особенно США, оно не имеет универсального характера, распространяясь лишь на отдельные ситуации, связанные с получением тех или иных видов доказательств (недопустимость показаний с чужих слов, результатов предъявления опознания без участия защитника, недопустимость признательных показаний, полученных без надлежащего предупреждения задержанного о его процессуальных правах, и т. д.). Норма же, закрепленная в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, звучит слишком категорично и при буквальном ее толковании охватывает все без исключения случаи процессуальных нарушений, допущенных при собирании и проверке доказательств, невзирая на то, насколько существенным является каждое из них. Некритическое восприятие данного правила продуцирует трудности и разноречивую в судебной и следственной практике. Экзотическим заимствованием из уголовного судопроизводства США являются так называемые сделки о признании, которые, правда, были восприняты УПК РФ скорее в их европейской интерпретации. Этот институт с недавних пор был усвоен уголовно-процессуальным законодательством ряда западноевропейских государств (например, Испании, Италии). Согласно УПК РФ обвиняемый также вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести (ст. 314).

Тем не менее общее требование Кодекса, чтобы уголовное судопроизводство осуществлялось на основе состязательности сторон (ч. 1 ст. 15), нельзя признать полностью реализованным. Прежде всего потому, что на

досудебных стадиях процесса законодатель сохранил существенные элементы следственного (инквизиционного, или розыскного) порядка судопроизводства, при котором уголовный преследователь сосредотачивает в своих руках не только обвинительную, но и значительную часть судебной власти, то есть права принятия решений по делу. Так, следователь и дознаватель могут на досудебном производстве принимать окончательное решение по существу дела, прекращая уголовное дело или уголовное преследование не только по реабилитирующим, но и по так называемым нереабилитирующим основаниям, устанавливая при этом виновность лица в совершении преступления (гл. 4). Именно уголовный преследователь (дознаватель, следователь) выносит на предварительном расследовании решение об отводе своих процессуальных противников – защитника или представителя гражданского ответчика (ст. 72). Но главное наследие инквизиционного порядка в российском уголовном процессе состоит в том, что следователь и дознаватель наряду с судом собирают и используют доказательства, с помощью которых устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 74), то есть сразу получают судебные доказательства, фактически присваивая себе это важнейшее судебное полномочие. Именно органы предварительного расследования в российском уголовном процессе фактически решают вопрос, какие ходатайства стороны защиты и других участников процесса о приобщении к материалам дела доказательств удовлетворить, а какие – нет (ст. 159). То есть уголовные преследователи – следователь и дознаватель – на досудебном производстве фактически выступают не стороной в деле, а «хозяевами процесса», подменяя судью, что и является главным признаком инквизиционной модели судопроизводства.

Инквизиционные рудименты проявляются и в судебных стадиях. Под видом направления судом дела прокурору для исправления недостатков обвинительного заключения уже фактически реанимирован инквизиционный институт дополнительного расследования. Вновь введено заочное судебное разбирательство по делам о ряде преступлений, а также

в отступление от принципа *res judicata* разрешен пересмотр вступивших в законную силу оправдательных приговоров и обвинительных приговоров в сторону, неблагоприятную для осужденного.

Вместе с тем в 2007 г. в российском уголовном процессе произошла «тихая революция», последствия которой до сих пор по достоинству не оценены. Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"»⁶ прокурор полностью освобожден от ответственности за руководство следователем, который формально отнесен (гл. 4 УПК РФ) к стороне обвинения, что само по себе уникальная новация, не встречающаяся более нигде. Теперь функция обвинения (уголовного преследования) осуществляется прокурором на предварительном следствии в основном лишь постольку, поскольку он участвует в подготовке и формировании будущего государственного обвинения в суде. Она проявляет себя здесь главным образом на завершающем этапе расследования – в полномочиях прокурора при рассмотрении уголовного дела, поступившего к нему от следователя с обвинительным заключением (гл. 31 УПК РФ).

На наш взгляд, такое преобразование теоретически открывает перед российскими органами предварительного следствия перспективу отойти от роли уголовного преследователя (которым традиционно должен являться прокурор) и принять на себя новую функцию – расследования, лишенную односторонней обвинительной (впрочем, как и оправдательной) окраски. Ее целью должна быть объективная независимая проверка выдвинутого прокурором обвинения (подозрения), с тем чтобы исключить обвинительный уклон, неизбежный для уголовного преследователя. В целом это могло бы обеспечить равенство сторон и реальную состязательность досудебной подготовки, которая невозможна до тех пор, пока обвиняемому и защитнику здесь противостоит в качестве обвинителя могущественное государство. Впрочем, при ближайшем рассмотрении подобная новация не придаст российскому уголовному процес-

⁶ Собрание законодательства РФ. 2007. № 24, ст. 2830.

су характер новой идентичности, даже если обновленным следственным органам был бы придан независимый статус, равный судейскому. Как справедливо указывают авторы «Курса уголовного процесса», «для уголовного процесса смешанной формы классическим стало выделение уголовно-процессуальных функций обвинения, предварительного следствия и разрешения дела. Наиболее яркое воплощение такой подход нашел... в уголовном процессе Франции – страны, сформировавшей к началу XIX столетия теоретические основы современного уголовного процесса континентального типа. При этом следует иметь в виду, что предварительное следствие есть в данном случае судебная функция, осуществляемая особым следственным судьей. Значение выделения названных функций заключается в обеспечении беспристрастности участников процесса путем воспрещения возложения нескольких функций на одно лицо. В частности, запрет соединения функций обвинения и предварительного следствия приводит к тому, что следственный судья не связан выводом о наличии признаков преступления, сделанным прокурором при возбуждении уголовного преследования (публично-го иска)» [14, с. 108].

Признаки формирования новой идентичности

В последнее время наметился и иной путь развития уголовного процесса, действительно претендующий на новую цивилизационную идентичность. Речь идет о введении на стадии предварительной подготовки дела института следственных судей, а точнее «судей-над-следствием», целью которых является обеспечение обеим сторонам – и обвинения, и защиты – если не равных, то функционально достаточных возможностей для собирания и проверки доказательств за счет так называемых судейских следственных действий (главным образом допросов и проведения экспертиз). При этом на предварительном следствии возникает предпосылка для осуществления так называемого свободного доказывания, при котором за рамками судейских действий «разрешено все, что не запрещено»,

что будет на руку в том числе и органам расследования. Другим последствием такой реформы может быть переход процесса к «системе двух файлов», предполагающей, что материалы, собранные органом предварительного расследования единолично (без обращения к следственному судье), не имея статуса доказательств судебных, в суд, как правило, не поступают, а все доказательства формируются сторонами лишь в судебном разбирательстве дела по существу. Представляется, что процесс подобных преобразований уже успешно запущен в соседних с Россией государствах – бывших союзных республиках (Армения, Грузия, Казахстан, Литва, Молдова, Киргизия, Узбекистан, Украина, Эстония), где был введен институт следственных судей (фактически «судей-над-следствием»), осуществляющих по требованию сторон так называемое депонирование доказательств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По какому сценарию будет развиваться в дальнейшем российский уголовный процесс, пока неизвестно. Однако то, что изменения назрели, вполне очевидно, ибо в их основе лежит социальный запрос на индивидуальную справедливость, постоянно усиливающийся по мере возрастания в условиях современной информационной цивилизации роли как отдельной личности в качестве ее главной креативной силы, так и степени глобальной коммуникативной связанности всех членов общества. В этих условиях уголовное судопроизводство нуждается в дополнительных гарантиях прав личности и принципа равноправия сторон. Становится объективной потребностью самоограничение государства в пользу индивида, этой, как образно выразился когда-то известный российский правовед И.А. Покровский, «некогда безгласной овцы в человеческом стаде», а теперь «равноправной с государством державы» [15, с. 309–310]. Этим потребностям, как представляется, и корреспондируют названные (уже состоявшиеся и возможные в будущем) изменения форм уголовного судопроизводства, указывающие на процесс трансформации самой его цивилизационной природы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цимбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII – XX веков / В.Л. Цимбурский. – Москва : Книжный мир, 2016. – 496 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург, 1996. – Т. I. – 552 с.
3. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса / М.А. Чельцов-Бebutov. – Санкт-Петербург, 1995. – 846 с.
4. История России и мировые цивилизации / под ред. проф. М.В. Рубана. – Москва, 1997. – 326 с.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – Москва, 1984. – Т. 1. – 430 с.
6. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде / М.Б. Свердлов. – Москва, 1988. – 176 с.
7. Кондратчик А.Л. Английский суд присяжных: исторические корни и эволюция / А.Л. Кондратчик // Советское государство и право. – 1991. – № 6. – С. 133–138.
8. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В.Я. Петрухин. – Москва, 1995. – 320 с.
9. Крылов И.Ф. Розыск, дознание, следствие / И.Ф. Крылов, А.И. Баstryкин. – Ленинград, 1984 г. – 218 с.
10. Langbein J.H. The Origins of Adversary Criminal Trial / J.H. Langbein. – Oxford University Press, 2003. – 354 p.
11. Damaska M.R. Evidence Law Adrift / M.R. Damaska. New Haven : Yale University Press, 1997. – 176 p.
12. Полянский Н.Н. Новая редакция Уголовно-процессуального кодекса / Н.Н. Полянский. – Москва, 1924. – 40 с.
13. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – Москва, 1997. – 448 с.
14. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головки. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут. 2021. – 1327 с.
15. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Москва, 1998. – 351 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Александр Витальевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnov Alexander Vitalievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 06.02.2026. The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 06.02.2026.